

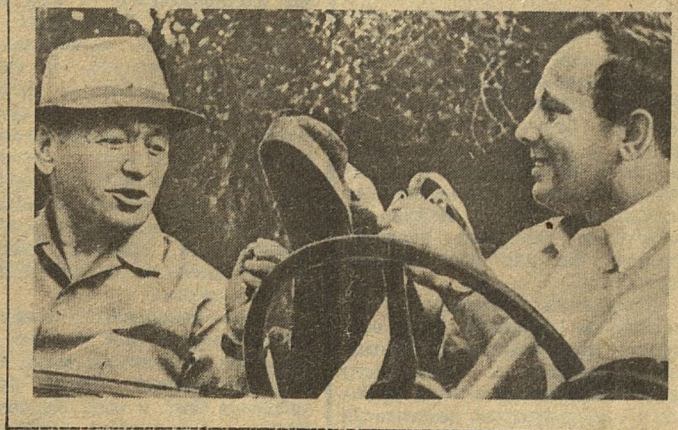
2204

1 окт. 1981

ПРАВДА

1 октября 1981

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

ГАГАРИН
В ВЕШЕНСКОЙ

ЭТО БЫЛО в середине июня 1967 года.

— В самый раз подгадали, к обеду, — говорил Михаил Александрович Шолохов, знакомясь с гостями на краю маленького степного аэродрома. А Гагарина повел к своему «газику», как давнему знакомому предложил, показывая на водительское место: «Ну что, космонавт, поехали? Посмотрим, Юрочка, к какому причалу ты нас доставишь».

— С таким штурманом, как вы, Михаил Александрович, к любому, — в тон ему ответил Гагарин.

Удивительно похожими казались они в те минуты — одинакового роста, высоколобые, с такими открытыми улыбками, по-летнему просто одетые. Так и ехали мы километров двадцать в автобусе за «газиком» в сторону станции Еланской. Гостей там уже ждали — на большом лугу в тени деревьев насланы дорожки, стоят тарелки для ухи. Народу прибыло много — молодые поэты и прозаики Советского Союза, Болгарии, Венгрии, Польши, ГДР, работники ЦК ВЛКСМ. Приехали они по приглашению Шолохова. И настолько радушен, сердечен оказался хозяин, что буквально через несколько часов пребывания на донской земле венгерский поэт с чувством воскликнул: «Известно, что Дон впадает в Азовское море, но мы просим сегодня принять поправку — он впадает и в наши сердца!»

— Торопиться с комплиментами, — говорит писатель. — Я требователен к молодежи, и у меня к тому есть основания — вот на этой самой земле в семнадцать лет командовал продотрядом из двухсот семидесяти штыков. — И, окинув взглядом сидевших рядом, добавил: — Всегда я смотрю на молодежь с надеждой, как на яблоню в цвету, когда ждешь от нее первых плодов.

Удобно протянулась по берегу Дона древняя казачья станица Вешенская, вся в зелени садов. А по Обдону, где некогда вихрились под постоянными ветрами грязно-желтые пески, поднялись сосновые боры.

— А ведь станицу переносить хотели, — рассказывал первый секретарь Вешенского райкома партии Петр Маяцкий. — Пески тут сыпучие кругом, они и наступали. Вмешался Михаил Александрович. Не знаю уж, до кого дошел, но создали здесь лесхоз. Теперь либо-дорого, — он повел рукой, — тысячи гектаров сосновых лесов взяли сыпучицы в полон.

Таких разговоров: о станице, ее окрестностях, живущих тут людях и их судьбах много было и в автобусе во время поездок по округе, и в гостинице, и в просторном доме писателя, и просто на крылечке. Потому и сказал Шолохов с хитрым прищуром одному из гостей: «Да что о Нобелевской премии вспоминать! Вручали мне ее в Золотом зале, но должен вам сказать, дорогие мои товарищи, что в вашем обществе мне теплее и роднее сердцу».

Сидеть пришлось за одним столом с входившим тогда в

зрелую писательскую силу Василием Беловым, которого Михаил Александрович отметил: «Прямо кружева вологодские, а не проза, вязку пишет». Внимательно вслушиваясь в каждое слово хозяина дома темпераментный казахский поэт Олжас Сулейменов. После полета Юрия Гагарина он написал поэму «Земля, поклонись человеку», а теперь оказался рядом с первым космонавтом. Разговор о литературе откровенный. О чем и как писать, размышляет Шолохов, каждый сам для себя решает, но есть неперемное условие — писать надо правду. Первый советчик писателя — совесть, главный судья — народ.

— А ты, Юра, как считаешь? — неожиданно спрашивает он.

Гагарин улыбается той самой широкой улыбкой, которая полюбилась миллионам людей всей планеты, разводит в деланном смущении руками:

— Неудобно мне, рядовому читателю, профессиональным литераторам советовать... Признаться, откладываю иной раз книгу с досадой. Чувствую, что автор грешит против правды: высосан сюжет из пальца или взят с потолка. А это занятие не писательское, а скорее писарское. Такая книга — что полет без цели. Я за те книги, которые помогают людям больше видеть, глубже знать, делают их сильнее и, как знамя в бою, ведут за собой.

Михаил Александрович с ласковой усмешкой тоже разводит руками:

— От тебе и рядовой читатель. Отлично сказано...

За три дня нашего пребывания в Вешенской Гагарина ни разу не видели в форме. «Не люблю облачаться без надобности», — отшутился он перед выступлением на станичной площади.

— Казаки, Юра, тебя не поймут, — сказал серьезно Шолохов. Пришлось Гагарину «облачаться» в мундир. Так и вышел на трибуну — невысо-

кий, загорелый. А когда улыбнулся и поднял приветственно руку, то вся площадь горделиво зашумела, зарукоплескала, откровенно гордясь им и любуясь. О себе Юрий Алексеевич ни словом не обмолвился. Впрочем, его короткую, но емкую биографию многие и так знали.

В воспоминаниях Анны Тимофеевны Гагариной о сыне такие слова есть: «Да вы посмотрите на Юрины фотографии, лицо у него всюду счастливое. Этим он и примечен...» Вот и в Вешенской радостное возбуждение не покидало его, искрились чуть сохнувшие глаза, весело улыбался всем, с кем знакомился на этой земле, крепко встряхивал при пожатии руку.

Ночевали в гостинице — Юрий Алексеевич от отдельного номера отказался, попросил: «Селите, как всех». За вечерним чаем, после беседы в доме Шолохова, завязался разговор о героях его книги, станичной жизни. Секретарь райкома Маяцкий спросил: «А знаете, кто первым рекомендовал Михаила Александровича в партию?» Помолчал, выжидаая, с гордостью ответил: «Серафимович. Он его сразу признал, писал в «Правде» — молодой орел, а крылья размахнул...»

Не все знают, что юный Шолохов, приехав в Москву с первыми рассказами, поначалу Столешников переулком мостил, работал счетоводом в жилтовариществе на Красной Пресне. Не сразу пришло признание, но невысокому ладному парню с твердым взглядом мужества было не занимать... На второй день войны полковой комиссар запаса Шолохов направил наркомом обороны маршалу Тимошенко телеграмму: «...в любой момент готов стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину...» В той же телеграмме просил принять в фонд обороны Государственную премию, полученную за роман «Тихий Дон». Участники встречи по-

сетили в Каргинской школу — на ее строительство писатель отдал Ленинскую премию. Еще факт. В совхоз «Кружильский» привез из Западного Казахстана, куда ездил вроде бы поохотиться, пятьдесят овец эдильбаевской породы.

Однажды зашла речь о героях минувшей войны, самопожертвовании наших солдат и офицеров... Михаил Александрович заметил, что все, конечно же, так, все правильно, но ведь ни одна война ничего не создала. И сравнил с миллионами маленьких подвигов работу советских людей на полях и предприятиях.

— Патриотизм надо воспитывать с ползункового возраста, — закончил он разговор. Запомнился такой эпизод.

Юньское солнце заливало своим благодатным теплом землю, вонзало золотые стрелы в донскую небыструю рябь.

— Тихая вроде река, а какая в ней могучая сила, — восхищенно сказал Гагарин. Он стоял, весь залитый светом, ветер трепал его русский чуб.

— Прямо казаком у нас стал, — глядя на него произнес Шолохов. Добавил уже с легкой грустинкой в голосе: — Вот и жизнь так же неудержима.

Развеселился позже, когда гости пожелали услышать казачьи песни. День уже догнорал, все сидели в столовой, слегка усталые, размоленные.

— Давайте девчат попросим, — согласился Шолохов, показывая на работниц местного общепита.

Хором стали просить. Собирались женщины, наскоро снимали белые передники, смущались.

— Угостите исполнителей для храбрости, — весело предложил Гагарин.

Женщины держали в руках рюмки, но не пили.

— Нашли чем казачек угощать, — усмехнулся Шолохов. — Да они коньяк не пьют.

Налили по рюмке водки... Ну и пели же они! Уже ехать пора, а мелодии все льются и льются. Это они первому космонавту угождать хотели, вот и распелись.

Завтрак назначили на шесть утра — отсюда Гагарин улетал в Комсомольск-на-Амуре, где отмечалось 35-летие города. И вот уже прощание на небольшом поле в Базках, Гагарин садится в четырехместную «чайку». Легкая машина взмыла и вдруг стремительно пошла на вираж, еще один, крутой поворот... Испуганный начальник аэропорта, задрал голову так, что упала форменная фуражка, не отрывая от порхающей птицы глаз, повторил: «Что же это...» Как выяснилось позже, Юрий Алексеевич еще на земле пригрозил проверить «летные качества пассажиров». Ну и проверил... Шолохова на аэродроме не было, он простился с Гагариным накануне. И все же Юрий Алексеевич не утерпел — развернул самолет к Вешенской, сделал круг и ответственно помахал крыльями стоящему на крыльце Шолохову. Когда ему сообщили из Ростова, что гости благополучно улетели в Комсомольск-на-Амуре, Михаил Александрович задумчиво сказал, вроде как про себя: «Хороший человек, наш Юра...»

Г. ЯКОВЛЕВ.